

Научная статья
УДК 37.018.262
DOI: 10.20323/1813-145X_2023_2_131_27
EDN: CKRTZS

**Воспитание ребенка-дошкольника в семье:
опасность формирования виктимного поведения**

Андрей Эдгарович Симановский

Доктор педагогических наук, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой специальной (коррекционной) педагогики, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
simanovsky@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8294-4915>

Аннотация. Статья посвящена изучению влияния стиля родительского воспитания на возникновение виктимного поведения у дошкольника. Принимая на себя роль жертвы, ребенок в дальнейшем может провоцировать агрессивное поведение со стороны окружающих. Нередко жертвами нападений и травли со стороны сверстников становятся дети с ограниченными возможностями здоровья. Были обследованы 40 родителей детей дошкольного возраста с ограниченными возможностями здоровья с целью выявить их стиль родительского воспитания. Педагогам (воспитателям и дефектологам) было предложено с помощью авторской карты наблюдений замерить поведенческие паттерны, характерные для виктимного поведения детей. Было выявлено, что большинство детей не склонны занимать позицию жертвы, однако и противостоять агрессии они не готовы. Максимальное влияние на формирование виктимности оказывает родительский стиль воспитания «авторитарная гиперсоциализация». Эмоциональное принятие ребенка и готовность прийти ему на помощь не оказывают значимого влияния на вероятность виктимизации. Предикторами возникновения виктимности оказались такие личностные качества детей, как несамостоятельность и пассивность. Антивиктимное поведение формируется на основе таких личностных качеств ребенка, как активность, самостоятельность и антирентные установки. Делается вывод о том, что необходима работа с семьей ребенка, обеспечивающая снижение родительского авторитаризма и поощрение со стороны родителей его активности и самостоятельности. Взаимодействие педагогов и психологов с родителями должно способствовать формированию антивиктимного поведения и снижению вероятности агрессии и буллинга в будущей жизни ребенка.

Ключевые слова: буллинг; виктимное поведение; родительский стиль воспитания; влияние семейного воспитания; виктимизация

Для цитирования: Симановский А. Э. Воспитание ребенка-дошкольника в семье: опасность формирования виктимного поведения // Ярославский педагогический вестник. 2023. № 2 (131). С. 27-35.
http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X_2023_2_131_27. <https://elibrary.ru/CKRTZS>

Original article

Raising a preschool child in a family: the danger of forming victim behavior

Andrey E. Simanovsky

Doctor of pedagogical sciences, candidate of psychological sciences, head of department of special (correctional) pedagogy, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
simanovsky@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8294-4915>

Abstract. The article is devoted to the study of the influence of parenting style on the occurrence of victim behavior in a preschool child. Taking on the role of a victim, a child can further provoke aggressive behavior of people around him. Often, children with disabilities become victims of attacks and bullying by their peers. 40 parents of preschool children with disabilities were examined in order to identify their parenting style. Teachers (educators and defectologists) were asked to use the author's observation map to measure behavioral patterns characteristic of victim behavior of children. It was revealed that most children are not inclined to take the position of a victim, however, they are not ready to resist aggression. The parental parenting style «authoritarian hypersocialization» has the maximum impact on the formation of victimization. Emotional acceptance of the child and willingness to come to his aid do not

have a significant impact on the likelihood of victimization. Predictors of victimization were such personal qualities of children as lack of independence and passivity. Antismictimal behavior is formed on the basis of such personal qualities of the child as: activity, independence and antirent attitudes. It is concluded that it is necessary to work with the child's family to reduce parental authoritarianism and encourage parents to be active and independent of the child. The work of teachers and psychologists with parents should contribute to the formation of anti-victim behavior and affect the reduction of the likelihood of aggression and bullying in the child's future life.

Keywords: bullying; victim behavior; parental parenting style; the influence of family education; victimization

For citation: Simanovsky A. E. Raising a preschool child in a family: the danger of forming victim behavior. *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2023;(2): 27-35. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X_2023_2_131_27. <https://elibrary.ru/CKRTZS>

Введение

Одной из серьезных проблем современного образования является буллинг (травля) обучающихся сверстниками. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), на основе опроса взрослых мужчин и женщин в 2021 г. было выявлено, что 2 % респондентов сталкивались с травлей со стороны сверстников уже в возрасте от 3 до 6 лет; 10 % — в возрасте 7-10 лет (чаще всего мальчики); 26 % (мальчики) и 30 % (девочки) — в возрасте от 11-14 лет, и 20 % — в возрасте 15-17 лет. В целом 38 % россиян сталкивались с травлей в школьном возрасте [Аналитический обзор ВЦИОМ, 2021]. Проблема травли существует и в организациях профессионального образования, причем не только в нашей стране, но и за рубежом [Avanesian, 2021; Garcés-Prettel, 2022]. Как отмечают специалисты, причины психической или физической агрессии могут быть разными, но достаточно часто жертва сама провоцирует окружающих своим видом или поведением на совершение преступления [Avanesian, 2021]. Так называемое виктимное поведение формируется уже в дошкольном возрасте под влиянием семьи [Maralani, 2019]. Сегодня есть немало исследований, которые связывают стили родительского воспитания с виктимизацией ребенка, однако данные этих исследований противоречивы. В одних исследованиях указывается, что причиной виктимного поведения ребенка является агрессивное, авторитарное поведение родителей и, в этом случае роль жертвы для ребенка постепенно становится привычной. Другие исследователи, напротив, считают, что позиция жертвы у ребенка формируется на основе попустительства, когда родители стремятся решить за него все проблемы и исполняют все его желания [Connell, 2016]. Таким образом, исследование призвано разрешить данное противоречие и выяснить характер влияния стили семейного воспитания на возникновение виктимного поведения у ребенка.

Обзор литературных источников

Проблема формирования виктимного поведения стала активно исследоваться юристами, педагогами и психологами в последние 10-15 лет. Значимость этой проблемы подтверждает статистика буллинга в общеобразовательных и профессиональных образовательных организациях и необходимость противостоять этому социальному злу [Garcés-Prettel, 2020]. Однако нужно отметить, что социальная роль жертвы может формироваться на основе совершенно разных психологических предпосылок и моделей поведения. Так, М. А. Одинцова и Н. П. Радченкова выделяют два варианта психологической роли жертвы: игровую роль жертвы и социальную роль жертвы [Одинцова, 2012]. Первая роль предполагает хорошую адаптацию человека в обществе и умение использовать свои особенности для манипуляции другими людьми в целях получения выгоды. Такие люди, проявляя демонстративность и инфантильность, играют роль жертвы, стараются вызвать жалость и сочувствие. В основе подобного поведения, по мнению М. А. Одинцовой, — стремление извлечь выгоду из своего бедственного или беспомощного состояния. Социальная роль жертвы характеризуется плохой адаптацией в обществе, враждебным отношением к окружающему миру, ригидностью в отношениях с другими людьми. Такие люди нередко играют роль «козла отпущения», «гадкого утенка» в группе сверстников. Они не пытаются извлечь выгоду из роли жертвы и стремятся от этой роли избавиться. Наиболее характерна эта роль для детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья. По мнению И. П. Волковой и А. В. Машковой [Волкова, 2022], такие подростки достаточно часто становятся объектами издевательств и агрессии из-за своих когнитивных и физических особенностей. Постепенно происходит привыкание к такому положению в социуме, и роль может закрепиться. Наиболее часто такие подростки демонстрируют пассивный вариант

виктимного поведения. Возникновение агрессивных эпизодов с детьми с нарушением развития отмечают и другие авторы [Lebrun-Harris, 2019]. По мнению исследователей, наиболее часто жертвами буллинга становятся дети и подростки с расстройством аутистического спектра (РАС). [Park, 2020; Forrest, 2020]. По результатам метаанализа, который проводила большая группа ученых из США, Южной Кореи и Японии на основе многочисленных исследований, в 67 % исследований отмечалось, что дети с РАС часто подвергаются издевательствам и нападениям со стороны сверстников, согласно 29 % исследований они сами становились правонарушителями (агрессорами), в 14 % исследованиях отмечалось, что дети с РАС могут быть одновременно и агрессорами и жертвами агрессии со стороны других детей [Park, 2020]. По мнению Д. Л. Форрест, Р. Крюгер и С. Строуп, высокая виктимность детей с РАС возникает из-за того, что они выделяются среди нормотипичных детей неоптимальной адаптацией к сложившейся социальной ситуации и сопротивляются изменениям (ригидность) [Forrest, 2020].

Изучая причины возникновения агрессии (травли), многие авторы, помимо пассивного варианта виктимности, выделяют и ее активный вариант. Это происходит, когда ребенок сам проявляет агрессию и становится жертвой ответной агрессии, которая может перерасти в длительную травлю.

Подростки с таким стилем поведения стали объектом изучения группы австралийских ученых [Runions, 2019], которые обследовали выборку в 1 870 учащихся 7-9 классов, составлявших самоотчеты о своем участии в издевательствах либо в качестве жертвы, либо в качестве агрессора. Было выявлено несколько категорий подростков: агрессоры, которые сами не являлись жертвами агрессии и травли; агрессоры, которые сами становились жертвами травли; жертвы травли, которые сами не проявляли агрессии, и подростки, которые не являлись жертвами и не участвовали в травле сверстников. Оказалось, что у этих групп было разное отношение к моральным нормам и ценностям. Подростки, которые не участвовали в травле, признавали, что издевательства аморальны. Подростки, которые становились жертвами издевательства, но не проявляли агрессии, также считали, что травля и издевательства аморальны. Подростки, которые являлись агрессорами и не подвергались издевательствами («чистые» хулига-

ны), и подростки-агрессоры, которые сами становились жертвами издевательства, оправдывали эти издевательства и отказывались от общепринятых моральных ценностей. Авторы исследования признают, что хулиганы, подвергающиеся насилию, были не столь категоричны в отказе от моральных ценностей, как «чистые» хулиганы. Они в большей степени понимали последствия издевательства и в меньшей степени пытались «распылить» ответственность за проявление агрессии на всю группу [Runions, 2019]. По мнению авторов, полученные в этом исследовании результаты показывают, что большое значение в профилактике как агрессивного, так и виктимного поведения имеют воспитательные воздействия, которые усиливают моральные ценности и нормы, связанные с осуждением травли и издевательства. С нашей точки зрения, моральные установки на недопустимость травли и издевательства необходимо формировать у ребенка еще в дошкольном возрасте, когда главными воспитателями являются родители. Это положение косвенно подтверждается исследованием, проведенным группой китайских авторов, в котором выявлена связь между переживаниями от травли ребенка в дошкольном возрасте и дальнейшей его жизнью, в частности возможностью подвергнуться издевательствам и травле уже в подростковом и юношеском возрасте [Zhang, 2019]. Исследования также показывают, что опыт переживаний от физического или психологического насилия в дошкольном возрасте значительно коррелирует не только с риском виктимизации, но и с риском, связанным с убийством в более старшем возрасте. Подростки и взрослые, подвергавшиеся в раннем возрасте физическому или вербальному насилию, склонны вынашивать планы убийств и покушений [Zhang, 2019].

Связь между ранним семейным воспитанием ребенка и формированием агрессивных и виктимных установок была подтверждена в целом ряде исследований [Samiullah 2016; Тарадай, 2020]. Большое значение при этом имеет характер поведения матери по отношению к ребенку в период раннего детства [Maralani, 2019]. Изучение влияния материнского стиля воспитания на особенности агрессивного и виктимного поведения предприняли иранские исследователи Ф. А. Маралани, М. Мирнасаб, Т. Хашеми. Методом скрининга из группы младших школьников (300 человек) они отобрали 100 детей, которые вели себя агрессивно, и 100 их сверстников-жертв. Далее они опросили их матерей с помо-

стью опросника стиля родительского воспитания Д. Боумринд. Данная методика позволяет выявить предпочитаемый родителями стиль воспитания [Baumrind, 1991]. Д. Боумринд выделяет четыре стиля: авторитетный, авторитарный, попустительский (либеральный) и индифферентный. Авторитарный стиль характеризуется низким уровнем эмоционального принятия ребенка и высоким уровнем авторитарного контроля. Для авторитетного стиля свойственно эмоциональное принятие, высокий уровень контроля и поощрение разумной автономии ребенка. Попустительскому стилю также свойственно эмоциональное принятие ребенка, при этом отмечается низкий уровень контроля — ребенку все позволяют и все прощают. Индифферентный стиль воспитания демонстрируют эмоционально холодные родители, которые принимают мало участия в воспитании ребенка. Они игнорируют его потребности и интересы, совсем не контролируют.

Иранские ученые выяснили, что при авторитарном стиле воспитания у детей формируются агрессивные поведенческие тенденции, а вероятность появления виктимного поведения у ребенка значительно возрастает при попустительском (либеральном) стиле воспитания. При этом и родители детей-хулиганов (агрессоров), и родители жертв буллинга испытывали высокий материнский стресс, в отличие от родителей детей, которые не были ни агрессорами, ни жертвами агрессоров [Maralani, 2019].

Сходные результаты выявили и другие авторы. Так, в исследовании китайских ученых Л. Лю, С. Ван и т. д. было обнаружено, что подростки, которые в школе вели себя агрессивно, и подростки, которые оказывались жертвой насилия, в детстве подвергались физическому и психологическому насилию. Было показано, что мальчики, по сравнению с девочками, чаще оказывались и агрессорами и жертвами агрессии. Промежуточной переменной между стилем родительского воспитания и склонностью к агрессивному или виктимному поведению авторы считают депрессию. По их мнению, жестокие методы воспитания в семье вызывают у детей состояния депрессии, на основе которого формируются либо склонность к агрессивному поведению, либо склонность находиться в позиции жертвы [Liu, 2022]. К аналогичным выводам приходят и другие авторы [Baldry, 2003; Longobardi, 2019]. Особенно значимо предсказывает появление виктимной ролевой позиции отношения, когда родитель допускает оскорбления и унижение челове-

ческого достоинства ребенка [Garcés-Prettel, 2020]. И напротив, уважительные отношения между взрослыми (родителями, учителями) и обучающимися, направленные на то, чтобы школьники осознали важность школы и обучения, на высоком уровне значимости предсказывают снижение агрессивности и школьной виктимизации среди подростков.

Эмоциональную привязанность родителей к ребенку как средство, позволяющее противостоять буллингу и виктимизации детей в школе, подчеркивают греческие психологи С. С. Плексусакис и др. [Plexousakis, 2019]. На основе изучения 433 греческих школьников от 8 до 16 лет авторы обнаружили, что материнская и отцовская забота может значительно снизить стресс от нападков со стороны сверстников и нейтрализовать их патологическое воздействие. В частности, поддержка со стороны родителей снижает уровень депрессивных симптомов, соматизацию, диссоциацию и избегающее поведение после эпизодов травли. И напротив, если мать проявляет защитное поведение, а отец — тревожно-контролирующее либо агрессивное, то симптомы посттравматического стресса у подростков значительно усиливаются. Таким образом, родительское отношение к ребенку может как провоцировать появление виктимных установок у детей и подростков, так и снижать их, нейтрализуя негативный эффект возможной агрессии со стороны сверстников. Завершая данный обзор, необходимо отметить особую значимость семейного воспитания для детей с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов. Как мы уже отмечали, отличаясь от сверстников как физическими, так и когнитивными качествами, такие дети особенно подвержены возникновению виктимных установок, поэтому важно выявить факторы, способные предотвратить их появление, способствующие развитию качеств, которые позволили бы таким детям вести себя адаптивно, социально активно, умело противостоять возможной агрессии и не принимать на себя роль жертвы.

Методы исследования

Отношение родителей к ребенку выявлялось с помощью опросника родительского поведения (ОРО) А. Я Варга и В. В. Столина [Рогов, 1999]. Методика позволяет измерить семейные отношения с точки зрения пяти шкал: «принятие — отвержение», «кооперация», «симбиоз», «авторитарная гиперсоциализация», «маленький неудачник».

Шкала «принятие — отвержение» измеряет общее принятие или неприятие ребенка. В случае высоких значений по этой шкале родитель эмоционально отчуждается от проблем ребенка и не способен его понять. Шкала «кооперация» свидетельствует о готовности родителя прийти на помощь ребенку, взаимодействовать с ним. Шкала «симбиоз» измеряет степень слияния родителя с ребенком, стремление защитить его от любых трудностей. Шкала «авторитарная гиперсоциализация» говорит о степени авторитарности родителя: стремлении жестко управлять ребенком, ограничивать его свободу и контролировать каждый шаг. Шкала «маленький неудачник» позволяет оценить степень доверия родителя к ребенку, веру в его поведенческую и личностную компетентность. При высоких значениях по этой шкале родитель не доверяет ребенку, считает его неспособным и инфантильным неудачником.

Для изучения виктимного поведения применялась авторская методика диагностики черт виктимного поведения [Симановский, 2021], которая состоит из следующих шкал:

- «зависимое — независимое поведение»;
- «пассивное — активное (инициативное) поведение»;
- «проявление рентных — антирентных установок в поведении»;
- «переживание чувства вины — отсутствие чувства вины»;
- «виктимное — антивиктимное поведение».

Методика была сконструирована на основе предположения, что у ребенка дошкольного возраста еще может не быть устойчивого стиля поведения по отношению к виктимизации и рентному поведению. Дети могут проявлять черты как виктимного, так и антивиктимного поведения, поэтому шкалы методики были разделены полярно, чтобы можно было выявить характер отношения между краями каждой шкалы. Данное предположение впоследствии подтвердилось при апробации методики, когда было обнаружено отсутствие связи между рентным и антирентным поведением. Это означает, что дети проявляли в одних ситуациях рентное поведение, то есть пытались извлечь пользу для себя, манипулируя другими людьми, а в других ситуациях — антирентное поведение, отказываясь от помощи и желая действовать самостоятельно [Симановский, 2021].

Методика представляет собой карту наблюдения за ребенком, которую заполняет взрослый

(воспитатель), работающий с ребенком и знающий его особенности.

Для выявления значимых взаимосвязей между изучаемыми показателями был использован непараметрический метод ранговой корреляции Спирмена.

Организация исследования и изучаемая выборка

Исследование проводилось в ноябре — декабре 2022 г. на базе ряда детских садов г. Ярославля и Ярославского района (№ 83, 158, 78, 179, 40 и ДООУ № 3 «Ивушка»). С помощью методики ОРО (опросник родительского отношения) было опрошено 40 родителей детей, у которых были выявлены различные нарушения развития и которые были наиболее подвержены риску виктимизации (16 чел. — родители детей с нарушениями зрения, 6 чел. — родители детей с тяжелыми нарушениями речи, 14 чел. — родители детей с ЗПР, 2 чел. — родители детей с аутизмом, 2 чел. — родители детей с умственной отсталостью). Также в исследовании участвовали педагоги дошкольных образовательных организаций (воспитатели и дефектологи), которые взаимодействовали с детьми опрашиваемых родителей. Педагоги заполняли карту наблюдения за чертами виктимного поведения детей.

Результаты исследования

На первом этапе исследования было зафиксировано эмпирическое распределение выраженности параметров виктимного и антивиктимного поведения, полученных по методике диагностики черт виктимного поведения у детей. Оценка производилась на основе разделения всех показателей на три уровня: низкий (1-4 балла), средний (5-8 баллов), высокий (9-12 баллов) (см. Табл. 1).

Было обнаружено, что большинство исследуемых детей проявляли средний уровень как виктимного, так и антивиктимного поведения. Такие значения показателей возможны, когда в некоторых ситуациях ребенок демонстрирует роль жертвы, а в других — активно противодействует этой роли. Также можно отметить, что количество детей, которые демонстрируют высокий уровень антивиктимного поведения, более чем в два раза превышает число детей, которые демонстрируют низкую виктимность. Это означает, что некоторые дети могут демонстрировать активное нежелание находиться в роли жертвы, однако в ситуации нападения все же принимают на себя эту роль, то есть проявляют средний уровень виктимности. М. А. Одинцова и Н. П. Радченкова

такую ролевую позицию называют социальной ролью жертвы [Одинцова, 2012].

Таблица 1

Распределение детей по параметрам виктимного — антивиктимного поведения

Исследуемые параметры/уровни выраженности параметров	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Виктимное поведение	6 (15 %)	34 (85 %)	-
Антивиктимное поведение	-	27 (67 %)	13 (32,5 %)

На втором этапе исследования были подсчитаны коэффициенты корреляции между разными параметрами виктимного поведения ребенка. Для подсчетов был использован метод ранговой корреляции Спирмена. Оказалось, что виктимное поведение значимо связано с зависимостью ($R_{\text{эмп.}} = 0,498$) и пассивностью ребенка ($R_{\text{эмп.}} = 0,399$). Показатель антивиктимного поведения значимо связан с тремя показателями стиля поведения ребенка: с независимостью ($R_{\text{эмп.}} = 0,372$), активностью ($R_{\text{эмп.}} = 0,478$) и проявлением антирентных установок ($R_{\text{эмп.}} = 0,425$).

Также обнаружилось, что показатель виктимного поведения имеет сильную отрицательную связь с показателем антивиктимного поведения ($R_{\text{эмп.}} = -0,417$). Критические значения для исследуемой выборки составляют $R_{\text{кр.}} = 0,31$, при $p = 0,05$ и $R_{\text{кр.}} = 0,4$, при $p = 0,01$.

На третьем этапе выявлялись связи между проявлениями виктимного-антивиктимного поведения и стилем отношения родителей к ребенку с помощью метода ранговой корреляции Спирмена. Была выявлена только одна сильная связь между показателями виктимного поведения и стилем семейного воспитания — связь со шкалой «авторитарная гиперсоциализация» ($R_{\text{эмп.}} = 0,542$). Это означает, что с повышением авторитарного контроля вероятность формирования виктимного поведения у ребенка становится очень высокой.

Обсуждение результатов и дискуссия

Оказалось, что у детей нашей выборки не обнаружилось сильно выраженных виктимных установок. Однако достаточно большое число детей с ОВЗ проявили средневыраженные паттерны виктимного поведения. Это свидетельствует, что характерологические черты, связанные с принятием роли жертвы у детей, еще не

сформировались. Средние показатели антивиктимности у большинства детей исследуемой группы свидетельствуют, что способность противодействовать агрессии у большинства детей также не сформирована. Формированию виктимных установок способствуют такие личностные черты, как зависимость и пассивность. Данные черты можно назвать предикторами формирования виктимного поведения в более старшем возрасте, а способность противодействовать виктимизации зависит от таких качеств, как активность, самостоятельность и нежелание манипулировать другими людьми для извлечения выгоды (антирентное поведение). Это означает, что поощрение развития данных качеств у ребенка в дошкольном возрасте со стороны родителей и воспитателей является важной задачей по борьбе с агрессией и травлей в школе и в дальнейшем — во взрослой жизни.

Также предиктором появления виктимного поведения у ребенка является наличие у родителя авторитарного стиля воспитания. Полученные данные согласуются с данными исследований, в которых авторитарный контроль со стороны родителей постепенно формирует у ребенка устойчивую позицию жертвы. Причем эта позиция соответствует пассивной модели виктимности [Liu, 2022; Longobardi, 2019; Garcés-Prettel, 2020]. Нужно отметить, что в нашем исследовании не подтвердились связи между виктимностью и такими стилями родительского воспитания, как «принятие» и «кооперация». Полученная связь между родительским стилем «кооперация» и виктимностью была отрицательная и не доходила до уровня значимости ($R_{\text{эмп.}} = -0,153$). Также незначимой оказалась связь между виктимным поведением и оценками родительского стиля отношения к ребенку по школе «принятие» ($R_{\text{эмп.}} = 0,026$).

Выводы

1. У большинства дошкольников еще не сформирован устойчивый стиль виктимного поведения. Роль жертвы для них эпизодична и не является устойчивой чертой характера. Также большинство детей-дошкольников еще не могут активно противостоять агрессии и невольно принимают на себя роль жертвы, так как антивиктимные установки у большинства из них сформированы на среднем уровне.

2. Предикторами появления виктимного поведения в школьном возрасте являются такие личностные качества, как пассивность и зависимость ребенка от взрослых. Предикторами появления

антивиктимных установок являются активность, самостоятельность и нежелание манипулировать другими людьми для извлечения выгоды.

3. Имеет место устойчивая и значимая связь между проявлением виктимного поведения и родительским стилем «авторитарная гиперсоциализация». Эмоциональное принятие родителем ребенка и готовность прийти ему на помощь не влияют на вероятность виктимизации ребенка.

4. Правомерно предполагать, что с усилением авторитарного контроля родителей вероятность появления у ребенка с ОВЗ установки на принятие роли жертвы в школьном и подростковом возрасте значительно возрастает. Напротив, поощрение самостоятельности и активности ребенка способствует развитию гибкого адаптивного поведения, позволяющего противостоять возможной агрессии в дальнейшей жизни.

Библиографический список

1. Буллинг, он же травля: масштаб проблемы и пути решения. Аналитический обзор ВЦИОМ. 26.07.2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/bulling-on-zhe-travlja-masshtab-problemy-i-puti-resheniya> (дата обращения: 20.12.2022).
2. Волкова И. П. Взаимосвязь виктимного поведения и зависимости от интернета подростков с ограниченными возможностями здоровья / И. П. Волкова, А. В. Машкова // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2022. № 204. С. 150-163.
3. Одинцова М. А. Разработка и стандартизация опросника «Тип ролевой виктимности» / М. А. Одинцова, Н. П. Радчикова // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 28. С. 1303-1310.
4. Рогов Е. И. Настольная книга практического психолога : учеб. пособие : в 2 кн. Кн. 2: Работа психолога со взрослыми. Коррекционные приемы и упражнения. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : ВЛАДОС, 1999. 480 с.
5. Симановский А. Э. Изучение рентных установок у школьников с ограниченными возможностями здоровья // Вопросы теории и практики специального и инклюзивного образования : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Владимир : Шерлок-пресс, 2021. С. 98-102.
6. Тарадай Ю. М. Дезадаптивные стили семейного воспитания как фактор буллинговой и моббинговой виктимности / Ю. М. Тарадай, В. А. Кудрявцев // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 69-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dezadaptivnye-stili-semejnogo-vozpitanija-kak-faktor-bullingovoy-i-mobbingovoy-viktimnosti> (дата обращения: 29.01.2023).
7. Avanesian G., Dikaya L., Bermous A., Kochkin, S., Kirik V., Egorova V., Abkadyrova I. Bullying in the Russian Secondary School: Predictive Analysis of Victimization // *Frontiers in Psychology*. 12. 2021. 644653. 10.3389/fpsyg.2021.644653
8. Baldry A. C. Bullying in schools and exposure to domestic violence. *Child abuse & neglect*. 2003. 27 (7), 713-732.
9. Baumrind D. The influence of parenting style on adolescent competence and substance use. *J Early Adolesc*. 1991. 11 (1):56-95.
10. Connell N. M., Morris R. G., Piquero A. R. Predicting Bullying: Exploring the Contributions of Childhood Negative Life Experiences in Predicting Adolescent Bullying Behavior. *Int J Offender Ther Comp Criminol*. 2016;60 (9):1082-1096.
11. Forrest D. L., Kroeger R. A., Stroope S. Autism Spectrum Disorder Symptoms and Bullying Victimization Among Children with Autism in the United States // *J Autism Dev Disord*. 2020. 50 (2):560-571.
12. Garcés-Prettel, Miguel & Santoya, Yanin & Jiménez-Osorio, Javier. Influence of family and pedagogical communication on school violence. *Comunicar*. 2020. 63.
13. Garcés-Prettel, Miguel & Santoya, Yanin & Jiménez-Osorio, Javier // Influence of family and pedagogical communication on school violence. *Comunicar*. 2020. 63.
14. Garcés-Prettel, Miguel & Vazquez-Miraz, Pedro & Santoya, Yanin. Justificación y actitudes del estudiantado frente a la violencia en universidades colombianas // *Pedagogia Social Revista Interuniversitaria*. 2022. 1. 131-147. 10.7179/PSRI_2022.40.08.
15. Lebrun-Harris L. A., Sherman L. J., Limber S. P. et al. Bullying Victimization and Perpetration among U. S. Children and Adolescents: 2016 National Survey of Children's Health. *J Child Fam Stud* 28, 2543-2557 (2019).
16. Liu L, Wang X., Chen B., Chui W. H., Wang X. Association between Child Abuse, Depression, and School Bullying among Chinese Secondary School Students. *Int J Environ Res Public Health*. 2022;20(1):697. Published 2022 Dec 30.
17. Longobardi C., Prino L. E., Fabris M. A., Settanni M. Violence in school: An investigation of physical, psychological, and sexual victimization reported by Italian adolescents. *Journal of school violence*. 2019. 18 (1), 49-61.
18. Maralani F. A., Mirnasab M., Hashemi, T. The Predictive Role of Maternal Parenting and Stress on Pupils' Bullying involvement // *Journal of Interpersonal Violence*. 2019. 34 (17), 3691-3710.
19. Park I., Gong J., Lyons G. L. Prevalence of and Factors Associated with School Bullying in Students with Autism Spectrum Disorder: A Cross-Cultural Meta-Analysis. *Yonsei Med J*. 2020;61(11):909-922.
20. Plexousakis S. S., Kourkoutas E., Giovazolias T., Chatira K. and Nikolopoulos D. (2019) School Bullying

and Post-traumatic Stress Disorder Symptoms: The Role of Parental Bonding. *Front. Public Health* 7:75.

21. Runions K. C., Shaw T., Bussey K., Thornberg R., Salmivalli C., Cross D. S. Moral Disengagement of Pure Bullies and Bully/Victims: Shared and Distinct Mechanisms. *J Youth Adolesc.* 2019;48(9):1835-1848.

22. Samiullah S. Influence of Parenting Style on Children's Behaviour. *Journal of Education and Educational Development.* 3. (2016). 222-249. 10.22555/joed.v3i2.1036.

23. Zhang GB, Xu N, Han AZ, Xie GD, Chen LR, Su PY. *Zhonghua Liu Xing Bing Xue Za Zhi.* 2019;40(8):965-970.

Reference list

1. Bulling, on zhe travlja: masshtab problemy i puti reshenija. *Analiticheskij obzor VCIOM = Bulling, it is baiting: the scale of the problem and how to solve it. VTsIOM analytical review.* 26.07.2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/bulling-on-zhe-travlja-masshtab-problemy-i-puti-reshenija> (data obrashhenija: 20.12.2022).

2. Volkova I. P. Vzaimosvjaz' viktimnogo povedenija i zavisimosti ot interneta podrostkov s ogranichennymi vozmozhnostjami zdorov'ja = Interaction between victimized behavior and Internet dependence of adolescents with disabilities / I. P. Volkova, A. V. Mashkova // *Izvestija RGPU im. A. I. Gercena.* 2022. № 204. S. 150-163.

3. Odincova M. A. Razrabotka i standartizacija oprosnika «Tip rolevoj viktimnosti» = Development and standardization of the «Role Victimity Type» questionnaire / M. A. Odincova, N. P. Radchikova // *Izvestija RGPU im. V. G. Belinskogo.* 2012. № 28. S. 1303-1310.

4. Rogov E. I. *Nastol'naja kniga prakticheskogo psihologa = Practical psychologist's desk book : ucheb. posobie : v 2 kn. Kn. 2: Rabota psihologa so vzroslymi. Korrekcionnye priemy i uprazhnenija. 2-e izd., pererab. i dop.* Moskva : VLADOS, 1999. 480 s.

5. Simanovskij A. Je. *Izuchenie rentnyh ustanovok u shkol'nikov s ogranichennymi vozmozhnostjami zdorov'ja = Study of rental facilities in schoolchildren with disabilities // Voprosy teorii i praktiki special'nogo i inkluzivnogo obrazovanija : sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoi konferencii s mezhdunarodnym uchastiem.* Vladimir : Sherlok-press, 2021. S. 98-102.

6. Taradaj Ju. M. *Dezadaptivnye stili semejnogo vospitaniya kak faktor bullingovoj i mobbingovoj viktimnosti = Maladaptive styles of family education as a factor in bullying and mobbing victimhood / Ju. M. Taradaj, V. A. Kudrjavcev // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovanija.* 2020. № 69-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dezadaptivnye-stili-semejnogo-vospitaniya-kak-faktor-bullingovoy-i-mobbingovoy-viktimnosti> (data obrashhenija: 29.01.2023).

7. Avanesian G., Dikaya L., Bermous A., Kochkin, S., Kirik V., Egorova V., Abkadyrova I. *Bullying in the Rus-*

sian Secondary School: Predictive Analysis of Victimization // Frontiers in Psychology. 12. 2021. 644653. 10.3389/fpsyg.2021.644653

8. Baldry A. C. *Bullying in schools and exposure to domestic violence. Child abuse & neglect.* 2003. 27 (7), 713-732.

9. Baumrind D. *The influence of parenting style on adolescent competence and substance use. J Early Adolesc.* 1991. 11 (1):56-95.

10. Connell N. M., Morris R. G., Piquero A. R. *Predicting Bullying: Exploring the Contributions of Childhood Negative Life Experiences in Predicting Adolescent Bullying Behavior. Int J Offender Ther Comp Criminol.* 2016;60 (9):1082-1096.

11. Forrest D. L., Kroeger R. A., Stroope S. *Autism Spectrum Disorder Symptoms and Bullying Victimization Among Children with Autism in the United States // J Autism Dev Disord.* 2020. 50 (2):560-571.

12. Garcés-Prettel, Miguel & Santoya, Yanin & Jiménez-Osorio, Javier. *Influence of family and pedagogical communication on school violence. Comunicar.* 2020. 63.

13. Garcés-Prettel, Miguel & Santoya, Yanin & Jiménez-Osorio, Javier // *Influence Reference list*

1. Bulling, on zhe travlja: masshtab problemy i puti reshenija. *Analiticheskij obzor VCIOM = Bulling, it is baiting: the scale of the problem and how to solve it. VTsIOM analytical review.* 26.07.2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/bulling-on-zhe-travlja-masshtab-problemy-i-puti-reshenija> (data obrashhenija: 20.12.2022).

2. Volkova I. P. Vzaimosvjaz' viktimnogo povedenija i zavisimosti ot interneta podrostkov s ogranichennymi vozmozhnostjami zdorov'ja = Interaction between victimized behavior and Internet dependence of adolescents with disabilities / I. P. Volkova, A. V. Mashkova // *Izvestija RGPU im. A. I. Gercena.* 2022. № 204. S. 150-163.

3. Odincova M. A. Razrabotka i standartizacija oprosnika «Tip rolevoj viktimnosti» = Development and standardization of the «Role Victimity Type» questionnaire / M. A. Odincova, N. P. Radchikova // *Izvestija RGPU im. V. G. Belinskogo.* 2012. № 28. S. 1303-1310.

4. Rogov E. I. *Nastol'naja kniga prakticheskogo psihologa = Practical psychologist's desk book : ucheb. posobie : v 2 kn. Kn. 2: Rabota psihologa so vzroslymi. Korrekcionnye priemy i uprazhnenija. 2-e izd., pererab. i dop.* Moskva : VLADOS, 1999. 480 s.

5. Simanovskij A. Je. *Izuchenie rentnyh ustanovok u shkol'nikov s ogranichennymi vozmozhnostjami zdorov'ja = Study of rental facilities in schoolchildren with disabilities // Voprosy teorii i praktiki special'nogo i inkluzivnogo obrazovanija : sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoi konferencii s mezhdunarodnym uchastiem.* Vladimir : Sherlok-press, 2021. S. 98-102.

6. Taradaj Ju. M. *Dezadaptivnye stili semejnogo vospitaniya kak faktor bullingovoj i mobbingovoj viktim-*

- nosti = Maladaptive styles of family education as a factor in bullying and mobbing victimhood / Ju. M. Taradaj, V. A. Kudrjavcev // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2020. № 69-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dezadaptivnye-stili-semeynogo-vospitaniya-kak-faktor-bullingovoy-i-mobbingovoy-viktivosti> (data obrashheniya: 29.01.2023).
7. Avanesian G., Dikaya L., Bermous A., Kochkin, S., Kirik V., Egorova V., Abkadyrova I. Bullying in the Russian Secondary School: Predictive Analysis of Victimization // *Frontiers in Psychology*. 12. 2021. 644653. 10.3389/fpsyg. 2021.644653
8. Baldry A. C. Bullying in schools and exposure to domestic violence. *Child abuse & neglect*. 2003. 27 (7), 713-732.
9. Baumrind D. The influence of parenting style on adolescent competence and substance use. *J Early Adolesc*. 1991. 11 (1):56-95.
10. Connell N. M., Morris R. G., Piquero A. R. Predicting Bullying: Exploring the Contributions of Childhood Negative Life Experiences in Predicting Adolescent Bullying Behavior. *Int J Offender Ther Comp Criminol*. 2016;60 (9):1082-1096.
11. Forrest D. L., Kroeger R. A., Stroope S. Autism Spectrum Disorder Symptoms and Bullying Victimization Among Children with Autism in the United States // *J Autism Dev Disord*. 2020. 50 (2):560-571.
12. Garcés-Prettel, Miguel & Santoya, Yanin & Jiménez-Osorio, Javier. Influence of family and pedagogical communication on school violence. *Comunicar*. 2020. 63.
13. Garcés-Prettel, Miguel & Santoya, Yanin & Jiménez-Osorio, Javier // Influence of family and pedagogical communication on school violence. *Comunicar*. 2020. 63.
14. Garcés-Prettel, Miguel & Vazquez-Miraz, Pedro & Santoya, Yanin. Justificación y actitudes del estudiante frente a la violencia en universidades colombianas // *Pedagogia Social Revista Interuniversitaria*. 2022. 1. 131-147. 10.7179/PSRI_2022.40.08.
15. Lebrun-Harris L. A., Sherman L. J., Limber S. P. et al. Bullying Victimization and Perpetration among U. S. Children and Adolescents: 2016 National Survey of Children's Health. *J Child Fam Stud* 28, 2543-2557 (2019).
16. Liu L, Wang X., Chen B., Chui W. H., Wang X. Association between Child Abuse, Depression, and School Bullying among Chinese Secondary School Students. *Int J Environ Res Public Health*. 2022;20(1):697. Published 2022 Dec 30.
17. Longobardi C., Prino L. E., Fabris M. A., Settanni M. Violence in school: An investigation of physical, psychological, and sexual victimization reported by Italian adolescents. *Journal of school violence*. 2019. 18 (1), 49-61.
18. Maralani F. A., Mirnasab M., Hashemi, T. The Predictive Role of Maternal Parenting and Stress on Pupils' Bullying involvement // *Journal of Interpersonal Violence*. 2019. 34 (17), 3691-3710.
19. Park I., Gong J., Lyons G. L. Prevalence of and Factors Associated with School Bullying in Students with Autism Spectrum Disorder: A Cross-Cultural Meta-Analysis. *Yonsei Med J*. 2020;61(11):909-922.
20. Plexousakis S. S., Kourkoutas E., Giovazolias T., Chatira K. and Nikolopoulos D. (2019) School Bullying and Post-traumatic Stress Disorder Symptoms: The Role of Parental Bonding. *Front. Public Health* 7:75.
21. Runions K. C., Shaw T., Bussey K., Thornberg R., Salmivalli C., Cross D. S. Moral Disengagement of Pure Bullies and Bully/Victims: Shared and Distinct Mechanisms. *J Youth Adolesc*. 2019;48(9):1835-1848.
22. Samiullah S. Influence of Parenting Style on Children's Behaviour. *Journal of Education and Educational Development*. 3. (2016). 222-249. 10.22555/joeed.v3i2.1036.
23. Zhang GB, Xu N, Han AZ, Xie GD, Chen LR, Su PY. *Zhonghua Liu Xing Bing Xue Za Zhi*. 2019;40(8):965-970.

Статья поступила в редакцию 16.01.2023; одобрена после рецензирования 24.02.2023; принята к публикации 23.03.2023.

The article was submitted 16.01.2023; approved after reviewing 24.02.2023; accepted for publication 23.03.2023.